

Аделаида Дрозд

**Соседи
по подъезду**

Аделаида Дрозд

Соседи по подъезду

<https://litres.ru/74213168>

Аннотация

Тишина была её крепостью. Он ворвался в неё с топотом и шумом. Луиза ценила свой покой, тихий двор и чёткие линии проектов. Лиам — подающий надежды баскетболист с травмированной ногой и разбитой мечтой — видел в её тишине лишь удобную клетку для восстановления. Он будил её по ночам стуком мяча. Она раздражала его своей отстранённостью. Они были соседями по дому и антиподами по жизни. Между ними не могло быть ничего общего. Но когда жизнь больно опускает на землю, а привычные стены рушатся, иногда приходится опереться на того, кто рядом. Пусть даже он не вписывается в твои чертежи. Пусть даже его мир — это гул трибун, а твой — тишина чертёжной доски.

Эта история о том, как самые неожиданные люди учат нас слышать не только тишину, но и музыку в простом стуке мяча по асфальту. И как иногда, чтобы найти свой путь, нужно сначала отпустить того, кто стал в нём самым важным ориентиром.

♥#Книга входит в цикл "сердце чемпиона". Цикл независимых любовных романов о тех, кто привык побеждать на площадке, но проигрывает перед собственными чувствами. Каждая книга — новая история о спортсменах из разных видов

спорта, их страсти, страхах, выборе между карьерой и любовью. Их объединяет лишь одно: в самой сложной игре — игре за своё сердце — нет тренеров, запасных и отложенных матчей. Здесь каждый риск — ради настоящего чувства. ♥️#

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Шумный сосед	7
Глава 2. Подъездные столкновения	13
Глава 3. Дождь и тренировка	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Пролог

Звук был чётким, ритмичным и абсолютно невыносимым.

Тук. Пауза. Тук. Пауза. Тук-тук.

Луиза замерла с карандашом в руке, вслушиваясь. Полночь. Тишина спального района должна была быть густой и непрерывной, как линия под линейку. Но этот звук — глухой, упругий удар об асфальт — рвал её концентрацию в клочья.

Она знала его источник. Новый сосед сверху. Спортсмен. Баскетболист, если верить сплетням в чате дома. Тот самый, который неделю назад въехал с парой сумок, гигантским букетом цветов (кому?) и грохотом, будто передвигал мебель в одиночку.

Тук. Пауза. Тук.

Она подошла к окну, резко дёрнула штору. Во дворе, под жёлтым светом фонаря, маячила высокая, сгорбленная фигура. Он стоял на одной ноге, неуклюже опираясь на костыль, а другой, здоровой, с силой отбивал от земли баскетбольный мяч. Каждый удар отдавался в её висках. Не игра. Не тренировка. Это было что-то другое. Ярость. Боль. Отчаяние, высекающее искры из асфальта.

Луиза сжала кулаки. Её первая мысль была чёткой и злой: «Завтра же пойду к нему и потребую прекратить этот кошмар». Её крепость тишины подверглась нападению.

Она не знала тогда, что этот назойливый стук — не конец её мира, а начало новой, совершенно непредсказуемой партитуры. Партитуры, в которой тишина и шум, чертежи и инстинкты, страх и надежда найдут свой общий, странный и прекрасный ритм.

Глава 1. Шумный сосед

Закатное солнце сентября золотило панельные фасады обычного, ничем не примечательного спального района. Воздух был наполнен ароматом увядающей сирени и далёким гулом вечернего города — привычным, почти родным шумом, который Луиза научилась не замечать. Для неё этот мир за окном существовал как тихий фон, приглушённый двойными стеклопакетами её уютной берлоги на пятом этаже.

Луиза закрыла за собой дверь квартиры, прислонилась к косяку и закрыла глаза, сбрасывая с плеч невидимый груз прошедшего дня. День выдался плотным: утром — защита промежуточного проекта в архитектурном бюро «Сфера», где она работала младшим дизайнером, потом — три часа кропотливой работы над личным чертежом для конкурса молодых урбанистов. Её мир был построен из тишины, четких линий, выверенных пропорций и идеальной гармонии пространства. Она любила, когда каждая деталь находилась на своём месте — и в проектах, и в жизни. Тишина была не просто отсутствием звука - это была её рабочая среда, сырьё, из которого рождались идеи. Атмосфера её квартиры, выдержанная в спокойных серо-бежевых тонах, с идеально расставленной мебелью и единственной яркой деталью — большим фикусом у окна, — была прямым продолжением

её внутреннего мира. Спокойная, слегка отстранённая, перфекционистка до кончиков пальцев — так бы описали Луизу те немногие, кто её хорошо знал.

Сбросив туфли и натянув мягкие, поношенные носки, она налила себе чашку мятного чая и устроилась за рабочим столом у окна. Перед ней лежал эскизный план сквера — её тайная страсть, проект, в который она вкладывала душу. Ещё пару часов работы, и можно будет лечь спать с чувством выполненного долга.

Именно в этот момент, когда карандаш только коснулся бумаги, снизу донесся первый удар.

Тук. Ту-тук. ТУК-ТУК-ТУК.

Это был не просто стук. Это был ритмичный, навязчивый, живой стук баскетбольного мяча об асфальт двора. К нему тут же присоединились крики, смех, свист и гул голосов — хаотичный, взрывной звуковой вихрь, ворвавшийся в её идеальную тишину словно стая ворон.

Луиза вздрогнула, и карандаш оставил на чертеже неверную, дрожащую линию. Она замерла, надеясь, что это ненадолго. Может, просто кто-то забил гол и сейчас разойдётся. Но нет. Стук не просто продолжился — он нарастал, обрстая новыми звуками: топотом кроссовок, возгласами «Пасуй сюда!», грохотом мяча о щит, который, судя по звуку, находился прямо под её окнами.

Терпение, выстроенное за долгий день, начало давать трещины. Луиза встала и подошла к балкону. Двор в сумерках

был похож на театральную сцену, освещённую жёлтыми пятнами фонарей. Площадка с покосившимся баскетбольным кольцом, несколько скамеек, детская горка — обычная картина спального района. И прямо в центре, под её окном, металась группа молодых людей.

Она наблюдала за ними минут десять, и каждый новый взрыв смеха, каждый удар по мячу отзывался в её висках назойливой пульсацией. Чертеж лежал забытый. Чашка чая остыла. Тихая ярость, холодная и методичная, поднималась внутри. Её право на покой, на свой островок упорядоченного мира, грубо нарушалось. Она не выдержала.

Накинув на плечи лёгкий кардиган, Луиза решительно вышла из квартиры. В подъезде пахло краской и чуть затхлым воздухом. Она спустилась по лестнице, не глядя по сторонам, её шаги отчётливо стучали по бетонным ступеням. Распахнув тяжелую входную дверь, она вышла во двор. Вечерний воздух теперь был наполнен не тишиной, а энергией чужой игры.

Игру остановили именно в тот момент, когда она приблизилась. Видимо, заметили её решительную походку. Парни, запыхавшиеся и смеющиеся, замерли, переглядываясь. И тогда из их центра вышел он.

Он был высокий, на голову выше её. Темные волосы, сбившиеся от пота на лоб, яркие, живые глаза, которые даже в сумерках казались насмешливыми. Он был в простой серой футболке, прилипшей к торсу, и спортивных шортах. В од-

ной руке он ловко вращал баскетбольный мяч, а другой вытирал лоб предплечьем. От него исходило тепло, физическая усталость и невероятная, почти наглая жизненная сила. Он стоял, слегка расставив ноги, улыбаясь полуулыбкой, в которой читался и вызов, и любопытство.

— Эй, всё в порядке? — спросил он, и его голос был глуховатым, слегка хриплым от недавних криков.

Луиза, собрав всю свою холодную, официальную строгость, выпрямилась. — Нет, не в порядке. Вы мешаете! Уже больше часа тут такой грохот, что невозможно сосредоточиться.

Парень обернулся к друзьям, которые тихонько перешёптывались, и снова посмотрел на неё.

— Двор общий, — произнёс он просто, как констатацию факта. — Мы играем. Баскетбол. Ты в курсе, что это такое? — В его тоне не было злобы, лишь лёгкая, дразнящая ирония.

— Я в курсе, что это такое, — отрезала Луиза, чувствуя, как закипает. — И я в курсе, что сейчас десять часов вечера, и у людей есть право на тишину.

Он подбросил мяч и поймал его одной рукой. — Десять? Серьёзно? Мы же почти закончили. Пару бросков ещё, и всё, — он махнул рукой в сторону кольца. — Обещаю. Не такая уж ты, похоже, фанатка активного отдыха.

«Активный отдых», — мысленно передразнила его Луиза. Её взгляд скользнул по его спортивной фигуре, уверен-

ной позе, по этой бесцеремонной улыбке. — Мне для отдыха нужна тишина, а не какофония под окном. Постарайтесь закончить поскорее, пожалуйста, — произнесла она ледяным тоном, подчёркивая последнее слово, и, не дожидаясь ответа, развернулась и пошла обратно к подъезду.

Она чувствовала его взгляд у себя на спине. Слышала, как один из его друзей что-то фыркнул, и как он коротко рассмеялся в ответ. Её сердце неприятно и часто стучало. Не от волнения, а от раздражения.

Вернувшись в квартиру, она захлопнула дверь, будто отсекая весь этот внешний, неорганизованный мир. Подошла к окну. Внизу игра ненадолго затихла, но через минуту снова раздался знакомый стук мяча об асфальт. Только теперь он казался ещё наглее.

Луиза тяжело выдохнула. Перед глазами всё ещё стоял его образ: самоуверенный, потный, улыбающийся. Очередной шумный спортсмен, думающий, что весь мир — его площадка для игр. Тип, которого она всегда избегала. Хаос в человеческом обличье.

Она погасила свет в гостиной и ушла в спальню, подальше от окна. Но даже сквозь закрытую дверь до неё доносился приглушённый, назойливый ритм той игры. И где-то в глубине сознания, против её воли, запечатлелась картина: тёмные волосы на влажном лбу и насмешливый блеск в глазах того, кто, сама того не ведая, только что ворвался в её тихую,

упорядоченную жизнь не просто шумом, а первым, грубым и нелепым, аккордом будущей симфонии.

Глава 2. Подъездные столкновения

Тихая война, начавшаяся во дворе, плавно переместилась в пространство серых бетонных стен и скрипящих лифтов. Их подъезд стал полем для маленьких, едва заметных стычек, которые для Луизы превратились в досадный, но неизбежный ритуал.

Первая встреча произошла в лифте в понедельник утром. Луиза, идеально собранная в свой фирменный «архитектурный» стиль - бежевые брюки, белая блузка, заправленная внутрь, и бежевый жакет, нажимала кнопку первого этажа, когда дверь со скрежетом распахнулась. Он заполнил собой всё пространство кабины не столько ростом, сколько громоздкой спортивной сумкой, которую втащил за собой. На этот раз он был в тёмном спортивном костюме, пахнущий свежим душем и чем-то хвойным — гелем для душа или дезодорантом.

Они встретились глазами. Он узнал её. В его взгляде промелькнула та же ирония, что и во дворе.

— Доброе утро, соседка, — произнёс он, пропуская её в лифт.

Луиза молча кивнула, вжавшись в противоположный угол. Кабина показалась вдруг невероятно тесной. Воздух был насыщен его энергией. Он не улыбался, но в его позе читалась прежняя уверенность. Сумка заняла половину по-

ла, и Луиза инстинктивно отдернула ногу.

Лифт медленно пополз вниз. Тишина, прерываемая гулом механизма, была густой и неловкой.

— Не опаз дывай, — внезапно сказал он, глядя на светящиеся цифры этажей.

Луиза нахмурилась.

— Я не опаздываю. Я всегда выхожу в одно и то же время.

Он бросил на неё быстрый взгляд, от пяток до собранной в аккуратный пучок прически.

— Похоже на то. Расписание на лице написано.

Это было сказано не как комплимент, а как констатация. Как будто он изучал её повадки. Луиза отвернулась к двери. «Самоуверенный...» — мысленно начала она привычную формулу, но дописать не успела. Лифт остановился, дверь открылась. Он вышел первым, не оглядываясь, тяжело волоча свою сумку. Она же замерла на секунду, глядя ему вслед, и странное чувство — смесь раздражения и любопытства — кольнуло её под сердцем. Он заметил её пунктуальность. За чем?

Вторая стычка случилась в пятницу вечером. Луиза возвращалась из супермаркета, нагруженная двумя тяжеленными пакетами с продуктами на неделю. Ей приходилось останавливаться на каждом лестничном пролёте, чтобы перевести дух. Она уже проклинала свою принципиальность — не брать машину за двумя бутылками молока — когда услышала быстрые, легкие шаги сзади.

— Ого, серьёзный улов. Собираетесь штурмовать зиму?

Она обернулась. Он стоял на пару ступеней ниже, одетый в лёгкую ветровку и спортивные штаны, с наушниками на шее. Выглядел уставшим, но глаза по-прежнему блестели. Луизе внезапно стало неловко: она, красная от усталости, с растрёпанными волосами, а он — свежий и оценивающий.

— Я справл юсь, — буркнула она, поднимая пакеты.

— Сомневаюсь. Давайте я помогу хоть с одним. Не по пути, а по соседству, — он уже сделал шаг вперёд, протягивая руку.

Принцип, тот самый, внутренний, железный принцип не принимать помощи от того, кто нарушает её покой, сработал мгновенно.

— Спасибо, нет, — отрезала она, и её голос прозвучал резче, чем она планировала. — Я не люблю быть должной.

Его брови поползли вверх. На мгновение ирония в его глазах сменилась неподдельным удивлением, почти обидой. Но лишь на мгновение.

— Понял. Тяжелая ноша и тяжёлый характер. Комбо, — он пожал плечами, пропустил её вперёд и легко, на двух шагах, обогнал, скрывшись за поворотом лестницы.

Луиза осталась стоять с пакетами, чувствуя себя глупо и упрямо одновременно. «Тяжёлый характер». Эхо его слов звенело у неё в ушах. Разве она такая? Она просто... ценит независимость. Да.

Но самое странное столкновение было беззвучным. Позд-

ней ночью, когда город затихал, и в её квартире царила благословенная тишина, Луиза стала улавливать определённые звуки. Ей не нужно было смотреть на часы — она уже знала расписание. Около одиннадцати, иногда ближе к полуночи, в подъезде раздавались шаги. Не громкие, но очень чёткие, тяжеловатые от усталости. Они останавливались на её этаже. Потом — лёгкий скрежет ключа в замке напротив — так вот где он живёт! Прямо через площадку!, мягкий щелчок, и тишина. А иногда, если окно в кухне было приоткрыто, доносился неясный шуршащий звук — будто скидывали спортивную форму. И один раз она расслышала тихий стон, сдавленный, как от боли, и лязг чего-то металлического — возможно, гантели о пол.

Эти звуки не были навязчивыми. Они были... интимными. Обрывками чужой, очень напряжённой жизни, вторгающимися в её пространство. И вместо раздражения Луизу начало одолевать странное любопытство. Что он делает так поздно? Где он тренируется до изнеможения? Мысль о том, чтобы погуглить его — она случайно услышала, как его друг назвал его «Лиам» у баскетбольной площадки, — казалась ей неприличным вторжением. Но вопрос висел в воздухе.

Ответ пришёл оттуда, откуда не ждали. Встретив в субботу у почтовых ящиков Марию Семёновну, всезнающую председателя домового комитета, Луиза попыталась вежливо отделаться стандартным «здравствуйте». Но Мария Семёновна, разглагольствуя о предстоящем субботнике, внезапно

кивнула в сторону двери напротив.

— А наш-то молодец, Лиам, опять, наверное, до ночи на тренировке. Боксёр он у нас, или боец какой. Не разберу. Но спортсмен — это точно. Говорят, на большие соревнования готовится. Вся наша надежда, чтобы из района чемпион вышел! Тренируется, бедняга, до седьмого пота. Видала я его как-то утром — еле ноги волочит, а идёт. Характер!

Луиза слушала, делая вид, что проверяет почту. «Боксёр? Надежда? До седьмого пота?» Слова Марии Семёновны накладывались на ночные звуки: тяжёлые шаги, стон, шуршание ткани. Картина складывалась, и она была не такой уж простой. Это не был просто шумный бездельник. Это был человек с целью. С тяжёлым, изнурительным трудом.

— Да уж, — отстранённо произнесла Луиза. — Шумит только по-прежнему порой.

— Ой, да что вы! Молодость, энергия бьёт через край! — махнула рукой Мария Семёновна. — Вы лучше на субботник приходите!

Луиза ушла, оставив старушку бормотать о клумбах. Но семя было посеяно. «Характер», — повторила она про себя уже его слова. Возможно, у них было что-то общее в этом упрямстве, в этой нацеленности на результат. Только её результат рождался в тишине за чертёжной доской, а его — в грохоте спортзала и в тишине ночных страданий.

Войдя в квартиру, она на секунду задержалась у двери,

прислушиваясь к тишине за стеной напротив. Раздражение никуда не делось. Он всё так же был источником хаоса, врывающимся в её жизнь. Но теперь к этому чувству добавился новый, острый, нежеланный оттенок — уважение. И от этого становилось ещё более не по себе. Проще было видеть в нём просто «шумного соседа». Гораздо сложнее — видеть в нём человека.

Глава 3. Дождь и тренировка

Всю субботу небо хмурилось, и к вечеру хандра спустилась с неба на землю, превратившись в мелкий, настырный осенний дождь. Он не лил стеной, а сеял — тихо, монотонно, затягивая всё вокруг в серую, влажную вуаль. Именно такая погода действовала на Луизу угнетающе, вымывая из мира краски и звуки, оставляя лишь ощущение бесцельного ожидания.

Чертёж сквера не клеился. Линии плыли перед глазами, идеи отказывались рождаться. Тишина в квартире, обычно такая желанная, сегодня казалась гулкой и давящей. Она несколько раз подходила к окну, глядя, как капли стекают по стеклу, рисуя абстрактные, печальные узоры. Двор был пуст. Ни детей, ни собак, ни спортсменов. Даже баскетбольная площадка промокла и почернела, став похожей на мокрую тушь на бумаге.

Около десяти вечера она поняла, что больше не выдержит четырёх стен. Нужно было куда-то вырваться. Хоть на пять минут. Повод нашёлся быстро — переполненное ведро у мусорного бака под окном. Накинув на пижаму длинный дождевик-пончо с капюшоном и сунув ноги в резиновые сапоги, Луиза выскользнула из квартиры.

Воздух во дворе был свежим, промытым, пахнущим мок-

рым асфальтом и опавшей листвой. Дождь стучал по капюшону, создавая свой маленький, уютный мирок. Она быстро пересекла двор, выбросила пакет в контейнер и уже собралась возвращаться, когда её взгляд уловил движение в самом дальнем углу площадки, под редкой кроной старого клёна, дававшего скудное укрытие от дождя.

Он был там.

Лиам. Один. Без друзей, без мяча, без смеха. Он был в чёрных спортивных штанах и мокрой насквозь серой майке, которая слипалась с телом, обрисовывая каждый мускул, каждое напряжение. Он не бегал и не прыгал. Он методично, раз за разом, отрабатывал одно и то же движение: резкий выпад вперёд, уход корпусом, мнимое уклонение от удара и мгновенный ответный выброс кулака в невидимого противника. Движение было резким, чётким, отточенным. И бесконечно повторяющимся.

Дождь стекал по его лицу, сбивал волосы на лоб, но он, казалось, не замечал ничего. Его лицо было лишено привычной насмешливости. Оно было сосредоточено, почти сурово. Взгляд устремлён в одну точку в пустоте перед ним. Он дышал ртом, пар вырывался клубами в холодный воздух. Иногда он останавливался, поправлял стойку, хмурился, как будто ругая себя за неточность, и снова начинал сначала.

Луиза замерла, спрятавшись в тени у стены подъезда. Её сердце неожиданно забилося чаще. Она видела тренировки по телевизору — гладкие, отредактированные. Но это было

другое. Это было сыро, тяжело, упрямо. Здесь не было зрителей, аплодисментов, мотивационной музыки. Была только холодная осень, насквозь промокшая одежда, усталость и железная воля, заставлявшая тело снова и снова выписывать идеальную дугу удара.

В этот момент она не видела в нём хулигана или самоуверенного нахала. Она видела одержимость. Ту самую одержимость, которую знала и в себе, когда часами выверяла миллиметры на чертеже, стирая и перерисовывая одну и ту же деталь, пока она не становилась идеальной. Только её битва была беззвучной и чистой. Его — мокрой, грязной, физически болезненной. Но суть была одна: упрямое, почти безумное стремление к какой-то своей, внутренней планке.

Он закончил очередную серию, остановился, положив руки на колени, и тяжело задышал. Потом выпрямился, запрокинул голову и подставил лицо дождю, словно умываясь. И в этот момент его взгляд, скользя по двору, наткнулся на неё.

Луиза внутренне сжалась, но было поздно отводить глаза. Они смотрели друг на друга через завесу дождя и осенних сумерек несколько секунд. Она ждала иронии, лёгкой насмешки.

Но он просто медленно вытер лицо краем майки и крикнул, не улыбаясь:

— Что, опять мешаю? Тишину дождя нарушаю?

Голос его был хриплым от напряжения, но в нём не было

вызова. Была усталость и капля странного, товарищеского юмора.

— Нет, — с трудом выдавила она из себя, делая шаг из тени. — Вы... мокнете.

Он фыркнул, и уголок его рта дрогнул.

— Дождь — лучший спарринг-партнёр. Не уворачивается, но и не бьёт в ответ. Идеально. А ты что тут делаешь, соседка? Романтику осени ловишь? — Он посмотрел на её нелепый дождевик и сапоги.

— Мусор выносила, — честно ответила Луиза.

— А, ну да. У тебя же всё по графику. Даже мусор, — он наконец улыбнулся, и улыбка была уже не колючей, а скорее уставшей, человеческой. Он взял со скамейки бутылку с водой, сделал пару глотков. — Не замёрзла ещё там? Можешь подыграть — покритикуй технику. Говорят, со стороны виднее.

Предложение прозвучало так неожиданно, так абсурдно — «подыграть», — что Луиза даже растерялась. Сказать что-то резкое, как раньше, уже не получалось. Вид его изнурительного труда обезоруживал.

— Я в технике... не разбираюсь, — смущённо пробормотала она. — Только по чертежам.

— О, значит, глаз намётан, — он кивнул, как будто это было серьёзным аргументом. — Ладно, не буду задерживать. Скоро закончу. Иди грейся. А то у тебя даже вид такой... архитектурно-замёрзший.

Луиза, не найдя что ответить на этот странный комплимент-насмешку, просто кивнула и быстро пошла к своему подъезду. Спиной она чувствовала его взгляд. Но на этот раз это ощущение было другим. Не колючим, а... тёплым. Как будто они стали соучастниками какого-то странного, дождливого ритуала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.